

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В ПЬЕСАХ А.П. ЧЕХОВА

Татьяна Антоновна Яценко

*доктор филологических наук, профессор кафедры
межъязыковых коммуникаций и журналистики
Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Республика Крым*

E-mail: t-yashchenko@yandex.ru

В современной филологии изучение речевых жанров (РЖ) происходит в ракурсах языкознания, стилистики, этнолингвистики лингвопрагматики, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и дискурсологии (Н.Д. Арутюнова, Ф.С. Бацевич, А. Вежбицкая, Т. А. ван Дейк, В. Карасик, О. С. Иссерс, Т.В. Ларина, Дж. Серль, Е. Шейгал, Т.В. Шмелева и др.), а также литературоведения (С. И. Виноградов, Е.В. Жданова, А. В. Степанов, П.Н. Долженков и др.).

Общепризнанным основоположником теории речевых жанров является М. М. Бахтин. Но в то же время, как справедливо отмечает Т. В. Шмелева, не стоит забывать, что общие вопросы и конкретные исследования в области жанрологии были представлены уже в 30-ые годы XX в. в работах В. В. Виноградова и Л. П. Якубинского [7, с. 20].

В современных работах по лингвопрагматике в качестве аналогов РЖ рассматриваются речевые акты. В связи с тем, что учение о РЖ в большей степени обращено к сфере текстов, в нашей статье используется понятие речевого жанра, тем более, что теория РЖ, по выражению М.М. Бахтина, «лежит на границах лингвистики и литературоведения» [1, с. 236].

Понятие РЖ реализуется в статье в лингвокогнитологическом и лингвопрагматическом аспектах анализа, в чем и состоит **актуальность** исследования.

На наш взгляд, особо значительна роль лингвокогнитивного подхода к анализу произведений драматургических жанров, что объясняется отсутствием авторского нарратива, раскрывающего характеры персонажей и выражающего модусные оценки. Исследование строится **на материале** пьес А. П. Чехова «Дядя Ваня» и «Вишневый сад», а также их черновых вариантов [4;5; 6]. Речевое поведение персонажей пьес определяется такими когнитивными факторами, как ценностные ориентации, убеждения, мировоззрение, отношение к другим людям, самооценка, нервно-психические состояния и т.п. Специфика ментального пространства сценического персонажа выявляется посредством анализа используемых средств языка и речи.

Исследование базируется на признании всех побудительных РЖ директивными, среди которых, вслед за И. В. Головиной, разграничиваем: 1) прескриптивные, то есть предписывающие действия (приказ, требование, распоряжение); 2) реквестивные, то есть побуждение к действию, которое должен совершить адресат в интересах говорящего лица (просьба, приглашение, собственно побуждение); 3) суггестивные, то есть выражающие совет, предложение [2, с. 12-13].

Как показало наше исследование, определенная коммуникативная цель субъекта высказывания, направленная на одного и того же адресата, может быть манифестирована различными видами директивных жанров в зависимости от ряда факторов: динамика диалога, развитие сюжета, реакция адресата и т.д. Так, например, в пьесе «Вишневый сад» желание Лопухина убедить Раневскую в необходимости сдать в аренду часть имения для спасения собственности первоначально выражается в жанре суггестива: *...на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть. Вот мой проект* [5, с. 205]. Прощаясь перед отъездом в Харьков, он дает настоятельный совет: *серьезно подумайте* [5, с. 209]. Когда приближается время торгов и ничего не предпринимается хозяевами имения (действие второе), Лопухин свое высказывание начинает с просьбы, переходящей в мольбу: *Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово! Только одно слово! (Умоляюще) Дайте же мне ответ!* [5, с. 218]. Сравнение с черновым вариантом текста пьесы показывает усиление экспрессии данной сцены в окончательной редакции (наличие реплики *умоляюще*, лексических повторов и др.) [6, с. 327], что, на наш взгляд, объясняется не только развитием сюжета, но и «особым» отношением Лопухина к Любове Андреевне. В дальнейшем развитии диалога собственно побуждение к действию (реквестив) начинает граничить с прескриптивом: *И вишневый сад и землю необходимо отдать в аренду под дачи. Вы должны сделать это теперь же, поскорее – аукцион на носу! Поймите!* [5, с. 219].

Дискурсивный анализ пьесы «Дядя Ваня» позволил сделать вывод о характерном для ее текста явлении контаминации различных видов директивных жанров. Смысловые нюансы, связанные со спецификой использования в тексте того или иного императивного жанра, непосредственно соотносятся с развитием действия, намерениями говорящего, мотивацией высказывания.

В речевом поведении действующих лиц выразительно отражается резкое смещение социальных и родственных ролей: подлинный хозяева имения (Соня, Войницкий) находятся по существу в зависимом положении от своих гостей (супруги Серебряковы, Астров); по-отцовски относится к Соне не ее отец, а дядя Ваня; Мария Васильевна преклоняется перед своим зятем – профессором и холодно-жесток по отношению к сыну.

Использование прескриптивных речевых жанров в их классическом виде, когда автор высказывания обладает ресурсом власти, ограничено. Это реплики Астрова, адресованные работнику и Телегину: *Вот, возьми это. Гляди, чтоб не помять папку* [4, с. 114]; обращения Елены Андреевны к Войницкому с требованием замолчать: *Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали!* [4, с. 102].

Наиболее характерны для персонажей пьесы реквестивные РЖ. Специфика жанра просьбы всестороннее исследована как в лингвистических, так и в литературоведческих работах (А. Вежбицкая, М. А. Егорова, Т. С. Зотева, А. Д. Степанов, М. Ю. Федосюк, Н. И. Формановская, Т. В. Шмелева, и др.). Известно, что просьба предполагает заинтересованность адресата в исполнении обсуждаемого действия. В классическом варианте жанра инициатор диалога находится в зависимом положении от слушателя и преследует коммуникативную цель убеждения слушателя что-либо сделать. При этом слушатель имеет свободу выбора: делать или не делать то, о чем его просят. Для такой просьбы, как правило, характерна аргументация важности ее исполнения, как, например, в реплике Марии Васильевны, обращенной к Серебрякову: *Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги* [4, с. 112].

В пьесе «Дядя Ваня» ситуация зависимости в основном связана не с социальной иерархией, а с характером межличностных отношений и психологическими типами персонажей. Жанр просьбы в классическом виде характерен для реплик Сони (адресаты – практически все персонажи пьесы), Войницкого (адресаты – Елена Андреевна, Астров) и Телегина (адресат – Войницкий).

Альтруизм, свойственный Соне, проявляется в коммуникативной направленности ее реплик в жанре просьбы: она почти никогда не просит собеседника о действиях (или их прекращении) в своих интересах. Это единственный персонаж, который просит не для себя, а для других. В высказываниях Сони наблюдается контаминация жанров просьбы и мольбы.

Основные коммуникативные стратегии ее просьбы заключаются в следующем:

1) желание помочь другому человеку: [Астрову]: *Сами вы пейте, если это вам не противно, но, умоляю, не давайте пить дяде. Ему вредно* [4, с. 82];

2) восстановление справедливости, защита близкого человека: [Серебрякову]: *Надо быть милосердным, папа!* [4, с. 103]. На протяжении монолога эта реплика с модальностью долженствования повторяется трижды;

3) предотвращение конфликта между участниками разговора, при этом характерно использование обращений, как, например, в сцене спора Марии Васильевны и Войницкого в первом действии. Войницкий: (...) *Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*, как ваш герр профессор. Мария Васильевна. Что ты хочешь этим сказать? Соня (умоляюще). Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас!* [4, с. 70].

Совершенно иной характер носят реквестивы в репликах профессора Серебрякова: они обладают прагматической направленностью распоряжения, так как не предполагают возможности отказа: *Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-то сделать* [4, с. 66]. В кульминационной сцене третьего действия высказывание *Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета...* [4, с. 99] по существу является псевдо-просьбой, так как вопрос о продаже имения для него уже решен.

В сферу реквеститов входят также жанры мольбы и уговоров, контаминирующие с жанром просьбы, особенно в тех случаях, когда действие должно быть совершенно в интересах адресата, как, например, в развернутом высказывании Сони о необходимости вернуть баночку с морфием, где императивная форма *отдай*, повторенная трижды, сочетается с каузальной конструкцией *Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь*, а также с вербальными и невербальными способами эмоционального воздействия: *Отдай! (целует ему руки) Дорогой, славный дядя, милый, отдай! (Плачет)* [4, с. 109]. В данном случае можно говорить о контаминации реквеститов и суггестивов.

Среди суггестивных речевых жанров наиболее характерен для пьесы жанр совета, где проявляется такая особенность чеховского текста, как отражение референциальной иллюзии, которую А. Д. Степанов считает чеховской константой [3, с. 81]. Основой референциальной иллюзии являются оценочные гносеологические заблуждения (П. Н. Долженков, И. Н. Сухих и др.). В анализируемой пьесе примером советов такого типа служат реплики Сони, желающей помочь Елене Андреевне избавиться от скуки: *Мало ли дела? Только бы захотела. Елена Андреевна. Например? Соня. Хозяйством занимайся, учи, лечи (...)* Елена Андреевна. *Не умею. Да и неинтересно (...)* [4, с. 309].

Реплики – советы, оформленные в модальности долженствования, характерные прежде всего для Серебрякова, представляют пример контаминации суггестивных и

прескриптивных жанров: *Надо, господа, дело делать. Надо дело делать!* [4, с. 112].

Проведенное исследование позволяет сделать **вывод**, что широта регистра директивных РЖ, а также явление их контаминации в репликах действующих лиц пьес А. П. Чехова является одним из проявлений их личностной характеристики и особенностей взаимоотношений. Вопрос об использовании различных типов директивных жанров и их взаимодействии при реализации коммуникативной стратегии «прерывании речи собеседника» рассмотрен нами в отдельной статье [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров; Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т., Т. 5. М., Русские словари, 1996. – С. 159-286.
2. Головина И. В. Семантика императива и способы его выражения в современном английском и русском языках: / И. В. Головина. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 24 с.
3. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А.Д. Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
4. Чехов А. П. Дядя Ваня. – А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах / А.П. Чехов. – Сочинения в восемнадцати томах. – Т. 13. Пьесы 1895-1904. – М.: Наука, 1978. – С. 61-116.
5. Чехов А. П. Вишневый сад. – А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах / А.П. Чехов. – Сочинения в восемнадцати томах. – Т. 13. Пьесы 1895-1904. – М.: Наука, 1978. – С. 195-254.
6. Другие редакции и варианты // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах / А.П. Чехов. – Сочинения в восемнадцати томах. – Т. 13. Пьесы 1895-1904. – М.: Наука, 1978. – С. 255-334.
7. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т.В. Шмелева // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20-32.
8. Яценко Т. А. Коммуникативная стратегия прерывания речи адресата (пьеса А. П. Чехова «Дядя Ваня») // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1 – С. 425-429